

Екатерина
Свет

Таня
Белкова

Мой хирург. Стальной скальпель

Таня Белкова

Мой хирург. Стальной скальпель

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой хирург. Стальной скальпель / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Пять лет назад меня сделали виновной в чужой врачебной ошибке и лишили права оперировать. Теперь я медицинский юрист Алина Воронова и приехала с проверкой в больницу, где главным снова стал человек, разрушивший мою жизнь. Но в первую же ночь вместо бумаг — сирены скорой и приказ не принимать умирающего без оплаты. Хирург Вадим Стрельцов плевать хотел на этот приказ. И я встаю рядом с ним. Он привык спасать всех, кроме себя. Я разучилась доверять, но в его объятиях впервые не боюсь закрыть глаза. Пока мы становимся ближе, руководство готовит удар: экстренное отделение мешает прибыльному бизнесу. На кону наши карьеры, жизни пациентов и чувство, которое страшнее любой проверки. Сумеет ли мы отстоять друг друга?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Екатерина Свет

Мой хирург. Стальной скальпель

Мой хирург. Стальной скальпель

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава 1

Ноябрьская ночь хлестала в мутные, покрытые грязными подтёками окна приёмного покоя косыми ледяными иглами. Смесь снежной крупы и замерзающей на лету мороси барабанила по стеклу с выматывающим душу шорохом.

Два часа сорок минут.

Я стояла у массивной бетонной колонны в центральном холле приёмно-диагностического отделения Областной клинической больницы № 1, чувствуя, как стылый сквозняк из разбитого тамбура пробирается под плотный шерстяной пиджак. Тяжёлая папка с материалами ревизии жгла пальцы холодом казённого пластика. В ней лежали тридцать две истории болезни с размашистыми синими резолюциями Ковалёва на титульных листах: «Отказать в госпитализации ввиду отсутствия платного обеспечения. Перенаправить по месту жительства». Тридцать два смертных приговора, цинично замаскированных бухгалтерией под плановую оптимизацию коечного фонда.

Пять лет назад меня выжили из кардиохирургии. Мой диплом с отличием, три года бессонной ординатуры и пятьдесят две самостоятельные торакотомии на средостении не значили ничего против одного звонка из министерства. Во время сложнейшей резекции лёгкого мажор — сын замминистра здравоохранения, числившийся ведущим хирургом, — в спешке забыл в плевральной полости пациента большую марлевую салфетку. Когда через трое суток начался гнойный сепсис и повторная торакотомия вскрыла криминал, протокол операции переписали за час. Ковалёв тогда возглавлял комиссию, разбиравшую этот случай. Виновной назначили меня — младшего ассистента Воронову, якобы «не проверившую счёт салфеток на выходе». Меня вышвырнули с волчьим билетом без права оперировать. Я ушла в медицинское право, поклявшись себе, что больше ни один номенклатурный стервятник в белом халате не спрячет преступление за поддельным протоколом.

И вот я оказалась здесь — в ОКБ № 1, которую методично и цинично подминал под себя инвестиционный картель «МедИнвест-Капитал». Больницу превращали в закрытую фабрику для богатых клиентов, вытесняя экстренную помощь за черту города.

Визг тормозов за двойными автоматическими дверями разрезал ночной гул вентиляции. За ним — истошный, на три тональности, вой сирен скорой помощи. Синие проблесковые маяки заматались по потолку тревожными, безумными сполохами, окрашивая казённый кафель в зловещий чернильный цвет.

— Внимание дежурной смене! — захрипел селектор под потолком. — Трасса М-5, сорок восьмой километр! Лобовое столкновение: лесовоз подмял междугородний тягач и бригаду неотложки! Массовые тяжёлые!

Двери с грохотом распахнулись от удара колеса санитарной каталки. Четверо фельдшеров в мокрых, перепачканных грязью и кровью оранжевых куртках вкатили носилки. На них лежал крупный мужчина лет пятидесяти в разорванной фланелевой рубаше. Лицо цвета мокрой извести, губы чернильно-синие, а из развороченной груди при каждом судорожном вдохе вырывался клокочущий, свистящий хрип.

— Кузнецов Иван, сорок восемь лет! — кричал задыхающийся врач скорой, на бегу пережимая капельницу. — Водитель тягача! Сочетанная политравма, раздавлен рулевой колонкой! Давление шестьдесят на ноль, нитевидный пульс, гемоторакс слева нарастает лавиной! Отдайте стол!

— Стоять! Куда прёшь?!

Из стеклянного бокса диспетчерской вылетел начальник смены охраны — широкоплечий верзила в чёрном камуфляже с нашивками ЧОПа. Следом за ним, нервно поправляя шёлковый галстук поверх безукоризненно отглаженного халата, выплыл исполняющий обязанно-

сти главного врача Григорий Эдуардович Ковалёв. Охранник раскинул руки, наваливаясь всем весом на поручни каталки и блокируя магнитный замок:

— Распоряжение руководства! Иногородных без полиса и подтверждённого гарантийного письма в корпус не подавать! Разворачивайте в районную!

— Ты сдурел?! — взвыл фельдшер. — До районной сорок километров по гололёду! Он содохнет через десять минут!

Я шагнула вперёд прежде, чем успела взвесить последствия. Шаг был коротким, каблуки сухо ударили по плитке. Я вскинула служебное удостоверение главного контролёра Минздрава прямо перед переносицей чоповца:

— Статья сто двадцать четвёртая прим один Уголовного кодекса. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи, повлекшее по неосторожности тяжкий вред здоровью или смерть. До четырёх лет колонии общего режима. Лично вам, гражданин охранник. Уберите руки с каталки. Если через три секунды замок не откроется, дежурный наряд СК зафиксирует соучастие в убийстве.

Мужчина дёрнулся, как от удара хлыстом, поймал мой ледяной взгляд и судорожно отёр ладонь от сенсора. Створки разъехались с глухим шипением. Носилки влетели в коридор триажа.

— Вронова! — Ковалёв подскочил ко мне, обдав приторным запахом одеколона и дорогого табака. Его маленькие глазки на одутловатом лице налились кровью. — Вы забываетесь! Вы здесь для ревизии бумаг, а не для командования клиникой! У него в путевке сибирская прописка, машины нет! Кто оплатит расходники на торакотомию? Импортный шовный материал, плазму, антибиотики резерва? Вы из своей зарплаты вычтете полмиллиона?! Отвезите его в терапию, ставьте физраствор и ждите родственников!

— Григорий Эдуардович, — я плавно выставила перед собой смартфон с мерцающей точкой служебной записи. — Статья тридцать вторая Федерального закона триста двадцать три гарантирует экстренную помощь безотлагательно и бесплатно. Ваше распоряжение бросить умирающего подпадает под признаки покушения на убийство лицом с использованием служебного положения. Повторите ваше требование под запись.

Ковалёв поперхнулся воздухом, его нижняя челюсть мелко затряслась от бешенства. В этот миг тяжёлый удар плеча отбросил его к стене.

По коридору стремительным, пружинистым шагом шёл мужчина. Высокий, жилистый, в расстёгнутом синем хирургическом костюме с короткими рукавами. Мощные предплечья, широкие запястья, на шее небрежно болтался фонендоскоп. Тёмные волосы растрёпаны, трёхдневная щетина на упрямом подбородке, а взгляд глубоких серых глаз резал без промаха.

Вадим Игоревич Стрельцов. Заведующий экстренной хирургией, легенда санитарной авиации и главный бунтарь больницы.

Он даже не взглянул на Ковалёва. Стрельцов опустил на одно колено прямо в грязную талую жижу рядом с носилками. Его крупные пальцы мгновенно легли на сонную артерию Кузнецова. Второй рукой он рванул ворот мокрой рубахи дальнобойщика и прижался ухом прямо к обнажённой груди, отшвырнув сломанный портативный монитор дежурного врача.

Четыре секунды мёртвой, гулкой тишины.

— Нитевидный, сто шестьдесят, — глухо отчеканил Стрельцов, поднимая голову. — Трахея резко ушла вправо. Левое лёгкое полностью выключено, перкуторно — глухая тупость до ключицы. В плевре минимум полтора литра крови. Нарастает тампонада. Разрыв нисходящей грудной аорты в зоне перешейки. До датчиков он не доживёт.

Он вскочил на ноги одним слитным движением:

— Носилки в лифт! Первую экстренную на четвёртом этаже развернуть за три минуты! За мной!

— Я запрещаю вскрывать оперблок! — взвизгнул Ковалёв.

Стрельцов даже не сбавил шаг:

— Убери руки, Гриша. Если мужик умрёт в приёмнике, я тебя лично вскрою прямо на этих весах.

* * *

Грузовой лифт хирургического корпуса пах карболкой, машинным маслом и тревогой. Жёлтый тусклый плафон под потолком вздрагивал на каждом метре подъёма, отбрасывая дрожащие тени на облупленные стены шахты.

Кузнецов дёрнулся всем телом. Его грудная клетка парадоксально вздымалась, рот жадно ловил воздух, а лицо стремительно наливалось синевой. Пульсоксиметр на пальце молчал, не улавливая пульсовой волны.

— Сатурация падает! — крикнул фельдшер скорой, нажимая на маску. — Шестьдесят! Не дышит!

Между вторым и третьим этажами раздался скрежет металла, кабина дёрнулась, свет мигнул и погас. За шахтой завыл аварийный зуммер. Лифт замер.

— Твою мать! — выдохнул фельдшер. — Застряли!

— Алина! — голос Стрельцова в полумраке прозвучал без тени паники, чеканно и властно. — Перехвати челюсть по Сафари! Мешок качай раз в четыре секунды! Не дай языку запасть!

Папка полетела в угол кабины. Мышечная память кардиохирургического прошлого сработала сама. Я навалилась на носилки, пальцами обеих рук захватила углы нижней челюсти дальнобойщика и выдвинула её вперёд и вверх. Фельдшер прижал маску и ритмично сжимал резиновый баллон: вдох... два, три... вдох.

В этот момент Стрельцов ударом локтя разбил смотровое стекло аварийной ниши в стене кабины, сорвал свинцовую пломбу и обеими руками схватился за чугунный рычаг гидроспуска. Мышцы на его спине натянулись до треска ткани. С глухим рыком он навалился на рычаг всем своим телом.

Раздался шипящий свист стравливаемого масла. Кабина тяжело, толчками поползла вверх.

— Держи его! — крикнул он, не оборачиваясь. Капли пота с его виска падали на ржавый металл. — Ещё немного...

Удар. Створки лифта встали вровень с порогом четвёртого этажа. Вадим вклинил пальцы в резиновую щель дверей, с чудовищной силой раздвинул их и вышиб ногой наружу.

Мы выкатили носилки в стерильный коридор оперблока. Но перед массивными двустворчатыми дверями Экстренной операционной № 1 путь нам преградила толстая цепь с сургучной печатью: *«Помещение законсервировано на плановую дезинфекцию по распоряжению нач.меды Селезнёвой Е.В.»*.

— Перекрыла кислородную магистраль и наборы заперла, тварь, — сквозь зубы процедил подоспевший заведующий анестезиологией Матвейч — кряжистый старик с красными от бессонницы глазами.

Стрельцов потянулся к пожарному щиту за багром, но я опередила его. Из потайного кармашка я выщелкнула мастер-карту Минздрава с лазерной гравировкой герба и приложила её к считывателю. Замок щёлкнул. Вадим подхватил багор, завёл остриё под скобу цепи и рванул. Металл жалобно звякнул, сургуч рассыпался крошкой.

— Вскрытие беру на себя! Закатывай!

Стрельцов на мгновение задержал на мне взгляд. В его глазах вспыхнул острый, жадный огонь признания.

Но в соседнем боксе коридора раздался надрывный женский крик.

В шлюз Малой операционной № 2 на каталке ввезли второго пострадавшего — молодого фельдшера разбитой неотложки, тридцатилетнего Сергея. Провожавший его врач

на ходу бросил мне: напарник Михаил погиб, Сергей до последнего передавал координаты аварии. Шея Сергея раздулась подушкой от хрустящего под кожей воздуха, вены на лбу вздулись багровыми жгутами, парень задыхался, колотя руками по бортам носилок.

Рядом, вжавшись в кафель, стоял ординатор Денис Соколов. Белый халат распахнут, руки в перчатках тряслись мелкой дрожью, в глазах застыл парализующий ужас:

— Он... он умирает... — шептал Денис, хватая ртом воздух. — Ковалёв запретил трогать укладки без наряда... Это подсудное дело, нас посадят...

Я метнулась к нему через коридор. Схватила ординатора за лацканы халата и с силой встряхнула:

— Соколов! Смотри на меня! Глаза в глаза!

Он дёрнулся, пытаюсь сфокусировать ошалелый взгляд.

— Перед тобой лежит Сергей — фельдшер скорой! — мой голос хлестал его, как ледяная вода. — Его напарник Михаил погиб на трассе полчаса назад! Сергей до последнего передавал координаты аварии, спасая чужие жизни! Если ты сейчас струсишь из-за подонка Ковалёва — он задохнётся через две минуты! И хоронить его будешь ты! Ты врач школы Стрельцова или трус?! Дыши и спасай брата!

Денис судорожно вдохнул. Дрожь в его плечах резко оборвалась, взгляд стал колючим и твёрдым.

— Напряжённый пневмоторакс справа! — хрипло крикнул он. — Трахея ушла влево, дыхания нет, подкожная эмфизема растёт! Нужна пункция во втором межреберье!

— Шкафы опечатаны! — в панике вскрикнула медсестра.

Из процедурной шагнула старшая операционная сестра клиники — легендарная Татьяна Павловна. На лацкане её куртки тускло блестела старая золотая брошь-стетоскоп. Она достала из кармана ключик, распахнула личный шкаф для белья и извлекла длинную толстую иглу Дюфо, к канюле которой был намертво привязан резиновый палец от стерильной перчатки с продольным надрезом:

— Держи клапанный дренаж, доктор. Старый фронтальный способ. Ковалёвы приходят и уходят, а мы спасали и спасать будем. Коли!

Соколов схватил иглу. Его пальцы нащупали второе межреберье по среднеключичной линии. Точный, хрустящий укол под прямым углом к ребру.

Воздух со свистящим гулом вырвался наружу, раздувая резиновый лепесток. Лицо фельдшера стало светлеть, он сделал первый глубокий, свободный вдох.

— Держи его, Денис! — крикнула я на бегу. — Переходи на постоянный дренаж в пятом межреберье, я прикрою!

И бросилась назад, в Первую операционную.

Глава

2

В предоперационном шлюзе Стрельцов уже стоял над локтевой раковиной, яростно взбивая янтарную пену антисептика на предплечьях.

— Воронова, вон отсюда! — бросил он через плечо, не прекращая тереть щёткой ногти. — Ты двери открыла, свою пайку отработала. Теперь брысь в коридор. Не хватало мне обморочных барышень под ногами, когда грудь польётся!

Я молча шагнула к соседней раковине. Сдёрнула шерстяной пиджак, швырнув его прямо на стул. Расстегнула пуговицы на манжетах блузки, закатала рукава выше локтей. Мой локоть с силой ударил по дозатору «АХД-2000». Резкий, обжигающий запах изопропилового спирта ударил в ноздри, возвращая меня на пять лет назад — туда, где я была по-настоящему живой.

Я мыла руки по Спасокукоцкому. От ногтей к межпальцевым промежуткам, ладони, запястья, средняя треть предплечья, локти. Методично, жёстко, выверенными круговыми пассами, не касаясь раковины.

Стрельцов замер. Струя воды шумела под его руками, но он медленно повернул голову. Его серые глаза расширились, скользя по моим пальцам, по чётким, безукоризненным хирургическим движениям, которые невозможно выучить по юридическим справочникам.

— Красный диплом Первого Московского, — мой голос звучал ровно, как метроном. — Ординатура по неотложной торакальной хирургии. Пятьдесят две самостоятельные торакотомии, двенадцать резекций лёгкого, семь ушиваний ранений сердца. До того, как Ковалёв состряпал на меня фальшивку. Я знаю анатомию средостения лучше твоего ординатора, Стрельцов. И я стою у стола. Павловна! Перчатки седьмой номер!

Татьяна Павловна, уже надевшая маску, окинула меня быстрым, понимающим взглядом бывшего солдата, удовлетворённо хмыкнула и развернула передо мной стерильный белый халат:

— Одевайся, милая. Наша порода.

Вадим молчал две секунды. Желваки на его скулах окаменели. Потом он коротко выдохнул:

— Первым ассистентом. Если дрогнешь — убью на месте.

— Не дождёшься.

Мы ворвались в операционную.

Ослепительный, режущий белый конус бестеневой лампы ударил в глаза. На столе лежал Кузнецов, его мощная грудь была залита коричневым бетадином.

— Матвеич, интубируй! — крикнул Вадим, становясь справа от стола.

— Не вижу щель! — хрипел старый анестезиолог, нависая над запрокинутой головой больного с изогнутым клинком ларингоскопа. — Там всё залито кровью, гематома шеи сдавила гортань! Связок нет! Брадикардия сорок! Остановка через десять секунд!

— Иглу Сельдингера мне! — крикнула я, перехватывая инициативу.

Двумя пальцами левой руки в перчатке я намертво зафиксировала щитовидный хрящ Кузнецова, нащупала ногтем ямку между перстневидным и щитовидным хрящами:

— Коникотомия! Матвеич, держи проводник!

Толстая игла с металлическим щелчком пробила связку, войдя в просвет трахеи под углом сорок пять градусов. Контрольный забор шприцем — пузыри воздуха со свистом заполнили цилиндр. Я ввела гибкую леску проводника, извлекла иглу и одним скольльзящим движением насадила трахеостомическую трубку номер шесть, протолкнув её в дыхательное горло.

Матвеич щелкнул переходником контура ИВЛ. Резиновый мешок аппарата шумно вздохнул, расправился, и грудная клетка дальнобойщика наконец плавно приподнялась.

— Пошла вентиляция! — выдохнул анестезиолог, вытирая лоб плечом. — Пульс восемьдесят пять! Давление семьдесят! Вадим, работай!

— Скальпель, — бросил Стрельцов.

* * *

Лезвие блеснуло в его пальцах. Одним непрерывным разрезом по шестому межреберью слева — от края грудины до задней подмышечной линии — Вадим рассёк кожу и подкожную клетчатку. Тёмно-вишнёвая кровь хлынула мгновенно, заливая операционное поле.

— Электронож, коагуляция! Ранорасширитель Финочетто!

Я стояла напротив него, чувствуя, как адреналин выжигает из головы всё лишнее, оставляя звенящую ясность. Мои руки работали синхронно с его движениями: марлевый тупфер — осушить, зажим на кровоточащую мышцу, развести края раны.

Но когда бранши массивного винтового расширителя упёрлись в рёбра, послышался сухой, зловещий хруст.

— Пятое ребро раздроблено, костный шип целится в пучок, — бросил Вадим. — Кусачки Листона!

Он скусил острый край кости, и я развела расширитель на полный шаг. Замок сорвался под его кистью; Вадим резко отдернул руку, и на перчатке выступила кровь. Он сменил её, коротко кивнув Павловне, и вернулся к ране.

В ту же секунду плевро затопило черно-алое озеро. Кровь не просто сочилась — её выбивало из глубины средостения тяжёлыми, пульсирующими толчками. За секунды плевро наполнилась до краёв, кровь перехлестнула через край операционного разреза и водопадом полилась на простыни, на резиновый фартук Вадима, на мои перчатки.

Монитор взвыл истошным писком.

— Давление сорок! Тридцать пять на ноль! Асистолия! — крикнул Матвейч.

— Отсос на максимум!

Тонкая трубка аспиратора мгновенно забилась массивными сгустками фибрина. Аппарат жалобно завыл.

— Бесполезно! — крикнула я. Отшвырнула трубку, схватила широкие марлевые салфетки-лопухи и погрузила руки по локоть в горячую полость. Горстями я вычерпывала тромбы в таз.

Дно раны обнажилось: под левой подключичной артерией зиял рваный продольный разрыв аорты длиной три сантиметра. Стенка сосуда была разможжена.

Стрельцов наложил зажим Сатинского, но ветхая ткань под сталью расползлась, как размокший картон. Смертоносный алый фонтан ударил в потолок, залил лампу и щиток Вадима. Прямая линия на мониторе зазвенела сплошным писком. Ноль.

— Стой! — прорычал Стрельцов.

Он сдернул залитый щиток и голой перчаткой нырнул на дно грудной клетки. Вслепую. Туда, где среди хлещущей лавы билась смерть.

Его широкая ладонь вошла в средостение, три пальца нащупали твёрдые тела грудных позвонков и с первобытной силой прижали разорванную аорту к кости. Фонтан оборвался.

Вадим навис над столом, окаменев. Его пальцы держали жизнь, но любое смещение на полмиллиметра означало срыв. Прошла минута. Я увидела, как его предплечье начинает мелко дрожать: мышцы кисти сводил жестокий тетанический спазм. Из-под фаланги снова брызнула алая струйка.

— Алина... — хрипло выдохнул он. — Руку сводит... Пальцы сюда. Поверх моих! Быстрее!

Я шагнула вплотную к нему. Наше дыхание смешалось. Моё плечо врезалось в его плечо — горячее, твёрдое, каменное.

Я опустила обе руки в кровавую глубину раны.

Мои тонкие пальцы легли точно на его пальцы — широкие, онемевшие от запредельного усилия. Я переплела свои фаланги с его фалангами, накрывая их замком, навалилась всем весом тела, упираясь бедром в край стола, и вдавила сосуд в костное ложе вместе с ним.

Сквозь два слоя резины я ощутила бешеный, свирепый толчок пульса и жар его руки. Тяжёлое, несокрушимое тепло мужчины, который отказывался отступать. Мы застыли единым замком из четырёх рук. Ни страха, ни сомнений — только общий пульс и чужая жизнь между ладонями. Кровотечение прекратилось намертво.

— Держим, — выдохнула я ему в самое ухо. — Я держу, Вадим.

— Зажим Дебейки надо завести снизу, — шептал он, глядя мне в зрачки. — Но там тесно, подключичная закрывает обзор... Заденем пищевод...

— Угол сорок пять градусов снизу! Ротация браншей к позвоночнику! Монография твоего отца восемьдесят четвёртого года! Заводи под моей кистью!

Вадим замер, в его серых глазах вспыхнул ошеломлённый огонь.

Свободной рукой он перехватил зажим Дебейки. Опустил кончик инструмента в рану, плавно скользнул под углом сорок пять градусов под нашими пальцами и сомкнул бранши на аорте с трёхкратным щелчком.

— Есть пережатие! Руки убрать!

Мы одновременно выдернули пальцы из раны.

Сухо. Ни капли крови. Матвейч схватил электроды дефибриллятора:

— Разряд двадцать джоулей! От стола!

Толчок тока встряхнул тело Кузнецова. И вдруг на чёрном стекле монитора кривая распрямилась и выдала высокий, чистый зубец синусового ритма.

Пип... пип... пип...

— Давление восемьдесят на пятьдесят! — закричал анестезиолог. — Сердце пошло! Живой!

Павловна запустила центрифугу «Cell Saver», возвращая очищенную кровь больного в подключичную вену. В дверях возник второй дежурный хирург:

— Вадим Игоревич, я освободился... Встать на крючки?

Стрельцов даже не поднял головы от раны, подтягивая иглодержатель:

— Пошёл вон на приём. Алина Сергеевна остаётся у стола. До последнего шва.

* * *

Реконструкция аорты требовала предельной точности. Ветхие края сосуда прорезывались при первой же попытке стянуть нить Пролон 3-0.

— Тефлон, — сказала я.

Вадим молча кивнул. Павловна подала стерильные полоски синтетического тефлона. Стрельцов наложил их вдоль краёв разрыва, формируя П-образный шов на прокладках: тефлон удерживал рыхлую стенку, распределяя давление. Я пинцетом уложила пластину фибринового клея «Тахокомб», прижимая её к микроскопическому проколу у задней губы анастомоза.

— Снимаю зажимы, — выдохнул Вадим через двадцать минут.

Он распустил замок Дебейки. Пульсовая волна с гулом ударила в сосуд. Давление взлетело до ста девяноста — синдром включения! Вадим накрыл шов горячей салфеткой, демпфируя гидравлический удар ладонью, а Матвейч ввёл гипотензивный препарат. Через полминуты манометр встал на отметку сто двадцать на семьдесят. Шов держал безупречно.

В этот момент двери шлюза с грохотом распахнулись. В предоперационную влетел багровый Ковалёв с двумя охранниками ЧОПа:

— Прекратить самоуправство! Вы расхищаете медикаменты коммерческого резерва!

Он протянул руку и выдернул из розетки кабель настенной камеры:

— Стрельцов, ты уволен по статье! Охрана, вывести всех! Тело опечатать!

Я шагнула к стеклу перегородки шлюза и нажала клавишу селектора:

— Григорий Эдуардович, вы только что совершили преступление по триста третьей статье Уголовного кодекса — умышленное уничтожение доказательств. С первой секунды операции видеопоток транслируется через защищённый спутниковый канал в Минздрав России. И дублируется дежурному следователю Следственного комитета.

Я перевела смартфон на громкую связь. Из динамика прозвучал сухой металлический бас:

— Старший следователь СК майор Баринов. Подтверждаю фиксацию. Гражданин Ковалёв, если через двадцать секунд вы не покинете оперблок, наряд спецназа водворит вас в ИВС по двести восемьдесят шестой статье. Время пошло.

Ковалёв задохнулся. Охранники синхронно отступили назад, пряча руки. Главврач яростно ткнул пальцем в Стрельцова:

— Ты нищий пёс, Стрельцов! Картель сотрёт тебя в порошок!

Вадим медленно подошёл к стеклу. Он неторопливо стянул окровавленные перчатки, смял их в ком и с размаху швырнул в бак для отходов у стеклянной перегородки. Взгляд его серых глаз резал спокойным, уничтожающим презрением:

— Мужик на столе жив. А ты уже сдох как врач. Пошёл вон из моей операционной. Ковалёв отшатнулся и в панике бросился по коридору прочь.

Глава 3

В Малой операционной всё уже было кончено.

Когда мы закончили послойное ушивание грудной клетки Кузнецова, установив толстый дренаж по Бюлау в седьмом межреберье, я заглянула во второй зал.

Денис Соколов сидел на табурете. Халат в крови, маска сбита, но глаза светились чистым торжеством. Фельдшер Сергей ровно дышал на столе, трубка из его груди уходила в стеклянную банку с фурацилином, где мерно булькали пузырьки воздуха по замку Бюлау. Правое лёгкое полностью расправилось.

— Спасибо, доктор... — слабо шепнул Сергей, коснувшись рукава Дениса забинтованной рукой. Ординатор светло улыбнулся: боевое крещение состоялось, он стал настоящим хирургом.

Каталку с Кузнецовым выкатили в реанимацию под надзор Матвеича.

И только когда погасли бестеневые лампы, меня накрыл откат. Адреналин ушёл, оставив звенящую пустоту. Колени задрожали мелкой дрожью. Я оперлась о кафедру умывальника, чувствуя, как ледяной озноб прокатывается по спине. Пальцы одеревенели, блузка липла к взмокшей спине.

Шаги за спиной.

Вадим смыл кровь с лица, взъерошил влажные тёмные волосы и повернулся ко мне. Лицо осунулось, под серыми глазами залегли тяжёлые тени, но взгляд был тёплым и открытым. Он снял со стены свою тёмно-синюю фланелевую хирургическую куртку — широкую, пахнущую чистым хлопком, дежурством и его терпким мужским теплом.

Шагнул ближе и бережно набросил её мне на озябшие плечи:

— Тебе нужно согреться, Алина. Ты отдала всё.

Тяжёлая ткань укутала меня спасительным теплом, прогоняя дрожь. Я подняла глаза: его широкие сильные кисти тоже мелко вибрировали от колоссального напряжения.

Я взяла с полки вафельное полотенце. Подошла вплотную, взяла его мокрую руку в свои ладони и стала бережно, палец за пальцем, осушать его кожу. Вадим замер, доверчиво расслабив пальцы, и посмотрел мне прямо в душу:

— Ты спасла его, Алина. Если бы ты не прижала аорту и не вспомнила отцовский ход... я бы потерял его. И сам бы сгинул. Спасибо тебе.

— Мы спасли, — тихо ответила я, глядя в его серые глаза.

Вадим улыбнулся краешком губ. Он осторожно перехватил мои пальцы, сжав их в своей горячей ладони:

— Пойдём. В ординаторской есть чайник и термос с чабрецом. До планерки ещё есть время. Передохнём.

Я запахнула полы его куртки на груди:

— Пойдём, Вадим.

Мы вышли в полутёмный, спящий коридор больницы, шагая плечом к плечу сквозь предрассветную тишину навстречу утренней буре.

Шесть часов утра. Ноябрьский сизый рассвет медленно, неохотно заливал мокрые подоконники хирургического корпуса.

В коридорах старого здания стояла та особенная, гулкая тишина, которая наступает в больнице только после выигранной у смерти битвы. Запах крови и горелого мяса от коагулятора остался за герметичными дверями оперблока, уступив место въедливому аромату хлорамина, крепкого остывшего кофе и морозного сквозняка.

Вадим повернул ключ в замке ординаторской экстренной хирургии. Щёлкнула старая английская защёлка, отрезая нас от остального мира.

Здесь пахло сушёным чабрецом, пыльными медицинскими атласами и старой кожей потертого дивана. На массивном дубовом столе высились стопки историй болезни, а в углу на тумбочке тускло поблёскивал эмалированный электрический чайник с облупленным носиком.

— Воронова, — глухо сказал Вадим, не оборачиваясь. Он стоял у окна, уперевшись ладонями в подоконник. — Иди в дежурную комнату отдыха. Там есть свободная кушетка. Я сам допишу журнал операций. Мне нужно... побыть одному.

Его голос звучал хрипло и сухо, как натянутая струна перед обрывом. Я знала эту интонацию. Так говорят хирурги, когда адреналиновый шторм схлынул, оставив на дне души ледяную пустоту и фантомную боль за каждого, кого не удалось спасти в прошлые смены.

Я подошла к нему сзади. Неслышно, по мягкому линолеуму. Протянула руку и аккуратно вынула шариковую ручку из его оцепеневших пальцев:

— После того, как мы в четыре руки держали разорванную аорту, Стрельцов, ты не захлопнешь передо мной дверь. Сядь. И прекрати командовать хотя бы на двадцать минут.

Вадим вздрогнул, медленно повернулся и посмотрел на меня сверху вниз. В его серых глазах плескалась такая глухая, беспросветная усталость, от которой у меня сжалось сердце. Но спорить он не стал — тяжело опустился на деревянный стул у стола, уронив руки на колени.

Только сейчас, при утреннем рассеянном свете, я разглядела его правую кисть. Тёмная манжета хирургического костюма была пропитана засохшей кровью. Костяшки пальцев были содраны до мяса — сорвавшийся замок винтового расширителя Финочетто при разведении рёбер распахал кожу, и вокруг рваных ссадин уже наливалось багровое, воспалённое кольцо.

— Господи, Вадим... — прошептала я.

— Ерунда, — он попытался спрятать руку за спину, скривив губы в привычной язвительной усмешке. — Царапина. До свадьбы заживёт. Не переводи стерильный материал, я не стеклянный.

— Помолчи.

Я метнулась к настенной аптечке. Достала флакон с бетадином, ампулу заживляющего гидрогеля, стерильные салфетки и эластичный сетчатый бинт. Пододвинула табурет, села напротив него и бережно взяла его большую, горячую ладонь в свои руки.

Кожа вокруг раны горела огнём. Я смочила марлю антисептиком и осторожно коснулась краёв ссадины. Вадим дёрнулся, желваки на его скулах вздулись, но он не издал ни звука — только шумно втянул воздух сквозь зубы.

Я мягко подула на обожжённую кожу, остужая её своим дыханием. Мои пальцы аккуратно наносили прозрачный гель на растерзанные ткани.

— Ты ищешь смерти у стола, да? — тихо спросила я, не поднимая головы, продолжая укладывать стерильную повязку. — Брать самых безнадёжных, о которых вытерли ноги все платные клиники. Оперировать по тридцать часов подряд без сна. Срывать связки, ломать пальцы... Это не героизм, Стрельцов. Это медленное самоубийство. От чего ты бежишь?

Вадим замер. Его рука в моих ладонях на мгновение напряглась, словно он хотел вырвать её, но мои пальцы держали крепко и мягко.

Прошла долгая минута. Старый чайник на тумбочке закипел, выпуская в полумрак струю густого пара, пахнувшего таёжным чабрецом.

— Три года назад, — глухо, в пустоту произнёс он. Голос звучал так, будто слова давили ему горло изнутри. — На том самом столе. Девушка. Двадцать два года. Лица. Врождённая гипоплазия чревного ствола. Никто не знал... Банальный аппендицит дал тромбоз мезентериальных сосудов. Я вскрыл — а там тотальный некроз. Я держал её за руку шесть часов. Обещал матери в коридоре, что вытащу... Не вытащил. Жена не выдержала моих дежурств, пустых глаз и водки по ночам. Собрала чемодан через месяц. С тех пор я здесь живу. Потому что за пределами этой больницы меня просто нет.

Он замолчал, уронив голову на сцепленные замком пальцы. Его широкие плечи бесильно опустились, побелевшие пальцы здоровой руки мелко дрогнули, а в глухом голосе не осталось и следа привычной железной непоколебимости. Передо мной сидел израненный, бесконечно одинокий мужчина, годами глушивший вину заживо в этих больничных стенах.

Я завязала узел бинта, ласково погладила его забинтованную кисть и подняла на него глаза:

— Ты не виноват в её смерти, Вадим. Анатомическую аномалию такого масштаба на догоспитальном этапе не определил бы ни один консилиум в мире. Ты подарил ей шанс. И сегодня ты вернул оттуда Кузнецова. Ты слышишь меня? Вернул.

Он посмотрел на свои перевязанные пальцы, затем на мои руки:

— А ты, Алина? Почему ты ушла? У тебя пальцы кардиохирурга. Зачем тебе юридические бумаги? Зачем ты хоронишь свой дар?

Воспоминание пятилетней давности отозвалось тупой болью. Я встала, подошла к чайнику и налила кипятка в две глиняные кружки, куда была брошена горсть сухого чабреца.

— Пять лет назад на ночном дежурстве сын замминистра здравоохранения оставил в плевре пациента большую марлевую салфетку, — я говорила ровно, глядя, как тёмные листочки кружатся в кипятке. — Начался гнойный плеврит, затем сепсис. Парень погиб. Чтобы спасти карьеру мажора, комиссия переписала журнал операций. Они стёрли его фамилию и вписали мою. Я была младшим ассистентом без денег и связей. Волчий билет, запрет на практику и позор на весь город. Меня вышвырнули на улицу. Я пошла на юрфак не ради карьеры, Вадим. Я поклялась, что научусь бить эту мразь их же оружием. Каждым параграфом, каждой статьёй. Но каждую ночь мне снится холодная рукоять скальпеля.

Я повернулась, чтобы протянуть ему кружку, и в этот момент комната перед глазами резко накренилась.

Бессонная ночь, дикий выброс кортизола и нервное истощение взяли своё. Ноги подломились, в ушах зазвенело, кружка выскользнула из пальцев.

Но удара о пол не произошло.

Крепкая, горячая рука Вадима мгновенно перехватила меня за талию, прижимая к широкой груди. Второй рукой он ловко подхватил падающую кружку, поставив её на край стола. Моё лицо уткнулось в ворот его хлопковой рубахи, пахнущей табаком и теплом его сильного тела.

— Тихо, — прошептал он мне в волосы. — Держу. Я держу тебя, Алина. Всё позади.

Я замерла в кольце его рук, закрыв глаза. Паническое головокружение отступило, растворившись в этом невероятном ощущении абсолютной защищённости, которого у меня не было ни разу в жизни.

На столе внезапно надрывно застрекотал служебный дисковый телефон. Секретариат Ковалёва уже начинал утреннюю охоту. Не размыкая объятий, я дотянулась и одним резким движением выдернула телефонный провод из розетки. Звонок оборвался на полноте.

— До восьми утра, — тихо сказала я, улыбнувшись в его плечо, — они сюда не войдут.

Я успела скинуть фланелевую куртку на спинку стула. Вадим хрипло усмехнулся, поднял меня на руки, как пушинку, сделал два шага к старому кожаному дивану и бережно опустил на мягкие подушки.

* * *

Сквозь щели в рассохшихся рамах тянуло предрассветным морозцем. В комнате становилось зябко. Мой шерстяной пиджак остался в оперблоке, блузка остывала, и по плечам пробежала крупная дрожь.

Вадим подошёл к спинке стула, где висела его тёмно-синяя фланелевая хирургическая куртка — та самая, которую он набросил мне на плечи ещё у раковины оперблока, с вышитой серебряной нитью надписью на кармане: «Зав. отд. Стрельцов В.И.».

Он подошёл к дивану, расправил плотную, нагретую его телом ткань и укутал меня с головой, аккуратно подоткнув края под бока. Тяжёлое, сухое тепло хлопковой фланели накрыло меня, как броня. Запах его кожи, антисептика и морозного ветра был настолько близким и родным, что в горле зашипало от непрошенных слёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.